

ИСТОРИЯ КОНСУЛЬСТВА И ИМПЕРІИ

СОЧ. ТЬЕРА, ТОМЪ XVIII (*).

HISTOIRE DU CONSULAT ET DE L'EMPIRE

PAR M. THIERS.

(Статья первая.)

XVIII томъ «Исторіи консульства и имперіи» заключаетъ въ себѣ разсказъ о первой реставраціи и изложеніе событій, сопровождавшихъ вѣнскій конгрессъ. Хотя въ военномъ отношеніи онъ и не столько замѣчательнъ, какъ предъидущій, тѣмъ не менѣе мы не можемъ пропустить его, не ознакомивъ съ нимъ нашихъ читателей, для связи съ тѣми томами, которые плодотворнымъ истори-

---

(*) Въ № 3 «Военнаго Сборника» за 1861 г., была помѣщена статья по поводу 17 тома сочиненія Тьера «Histoire du Consulat et de l'Empire». Вслѣдъ за этимъ разборомъ явился въ свѣтъ 18 томъ сочиненія Тьера. Мы считали обязанностію указать на достоинства этого сочиненія и ознакомить со взглядомъ автора и государственнаго чловѣка на замѣчательный періодъ исторіи Франціи. Статья, давно готовая, запоздала появленіемъ. «Лучше поздно, чѣмъ никогда», говоритъ пословица, къ которой съ своей стороны мы прибавимъ, что есть сочиненія, о которыхъ говорить никогда не поздно, знакомство съ которыми всегда полезно.

Парижскія газеты въ іюлѣ мѣсяцѣ заявили, что и послѣдній томъ «Исторіи консульства и имперіи» оконченъ и въ непродолжительномъ времени выйдетъ въ свѣтъ.

Ред.

комъ уже заготовлены къ печати. Время, описываемое въ этомъ томѣ, тѣмъ болѣе замѣчательно, что самыми упорными защитниками стараго порядка все болѣе и болѣе сознается непрочность основаній, на которыхъ утверждено было политическое устройство Европы въ 1815 году. Тьеръ пользовался многими источниками, которые до него никому не были извѣстны. На многія событія, несмотря на пристрастный часто взглядъ его, онъ пролилъ свѣтъ; многія подробности знаменитаго ареопага, рѣшившаго на полвѣка участь освобожденной Европы, объяснены имъ если не совершенно безпристрастно, то, тѣмъ не менѣе, ловко указаны ошибки людей противной партіи.

— Съ отъѣздомъ Наполеона на островъ Эльбу, ни Бурбоны, ни союзники не могли оставаться покойны. На всѣхъ концахъ Европы, во Фландріи, Голландіи, Вестфалии, Италиі, Испаніи и на югѣ Франціи, война еще продолжалась. Временное правительство разослало наконецъ всюду извѣстіе объ отреченіи Наполеона и о возстановленіи Бурбоновъ и съ нетерпѣніемъ ожидало послѣдствій, опасаясь, не безъ основанія, что нелегко будетъ справиться съ арміей, предводимой энергическими людьми, преданными дѣлу императора.

Во Фландріи защита Антверпена поручена была Карно, а оборона страны — Мезону. И тотъ и другой дѣйствовали столько же энергично, сколько успѣшно, вопреки желаніямъ Англичанъ, главнѣйшею цѣлью войны которыхъ было уничтоженіе континентальной системы и овладѣніе богатымъ и важнымъ городомъ Антверпеномъ, съ его громадными матеріальными запасами для флота. Войска встрѣтили извѣстіе о перемѣнахъ, случившихся въ Парижѣ, съ негодованіемъ и кричали противъ измѣнниковъ, продавшихъ Францію. Толпы дезертировъ оставляли знамена, по мнѣнію ихъ, опозоренныя. Объявленія графа Артуа объ уничтоженіи конскрипціи и косвенныхъ налоговъ (*droits réunis*) еще болѣе увеличивали замѣшательство. Фландрская армія подала примѣръ войскамъ, находившимся въ окрестностяхъ Парижа, и можно было опасаться, что Франція останется вовсе безъ войска въ минуту заключенія мира. Мезонъ съ трудомъ, самыми энергическими мѣрами, удержалъ баталіоны въ повиновеніи, и благодарность, посланная ему изъ Парижа, подѣйствовала на войска въ другихъ мѣстахъ. Антверпенскій гарнизонъ тоже съ неудовольствіемъ принялъ бѣлую кокарду; но Карно рѣшительно

отказался сдать крѣпость союзникамъ, пока не получитъ личнаго приказанія короля.

Даву геройски защищалъ важный Гамбургъ, важный какъ по своему положенію, такъ и по богатымъ запасамъ, въ немъ собраннымъ въ періодъ могущества сломленнаго императора. Знаменитый маршалъ готовъ былъ защищать городъ противъ всей Европы до послѣдней крайности. Съ ноября онъ не имѣлъ никакихъ извѣстій съ главнаго театра военныхъ дѣйствій и, приготовившись искусно къ оборонѣ, съ 40,000-мъ гарнизономъ, восемь мѣсяцевъ упорно держался противъ всѣхъ усилій Бенигсена. Въ началѣ апрѣля, русскій генералъ послалъ ему извѣстіе о событіяхъ, случившихся въ Парижѣ, и требовалъ сдачи Гамбурга. Маршалъ отвѣчалъ параграфомъ изъ гарнизоннаго устава, запрещающимъ довѣрять слухамъ изъ непріятельскаго лагеря. Бенигсенъ штурмовалъ городъ, во имя Бурбоновъ.

Даву велѣлъ стрѣлять по бѣлому знамени, какъ стрѣлялъ по русскому, и отбилъ атаку, съ большою потерей для союзниковъ. Съ трудомъ убѣдили его послать довѣренное лицо во Францію—удостовериться въ дѣйствительности отреченія Наполеона и въ возвращеніи Бурбоновъ; но, и узнавъ истину и принявъ бѣлую кокарду, онъ не соглашался сдать города иначе, какъ по собственноручному приказанію Людовика XVIII.

Что бы ни говорили о поведеніи маршала относительно захвата металлическаго фонда гамбургскаго банка, въ расходѣ котораго онъ представилъ точный отчетъ, до одного франка, защита Гамбурга составляетъ лучшій эпизодъ этой несчастной для Франціи эпохи и еще болѣе дѣлаетъ непонятными предшествовавшія распоряженія маршала въ 1813 году, которыя такъ пагубно отразились на ходъ кампаніи, имѣвшій слѣдствіемъ отступленіе Наполеона къ Лейпцигу.

Въ Италіи принцъ Евгенийъ, съ успѣхомъ державшійся противъ Австрійцевъ и получившій приказаніе сначала идти во Францію на соединеніе съ главными силами, а потомъ, послѣ Монмираля, снова остаться въ Италіи, удерживалъ страну, несмотря на движеніе ему въ тылъ Мюрата, когда получены были свѣдѣнія о случившемся въ Парижѣ. Евгенийъ заключилъ съ Австрійцами перемиріе, по которому французскія войска, разбросанныя по полуострову, возвращались во Францію со всей артиллеріей и обозами, а армія принца оставалась на По, до рѣшенія участи Италіи. Генуя сдана была Англичанамъ и взволновавшемуся на-

роду, вѣрившему въ возвращеніе ему политической свободы. Такъ кончилось владычество Французовъ въ странѣ, въ которой было пролито ими столько крови, собрано столько славы и для которой сдѣлано было такъ мало. Ожеро, не умѣвшій сохранить ни Дофине, ни Ліона, ни собственнаго достоинства, Маршанъ, занимавшій Женеву и Шамбери, тоже заключили перемиріе.

Тѣмъ не менѣе, кровь бесполезно пролита была на югѣ Франціи. По странной безпечности временнаго правительства, всѣ вообще распоряженія о прекращеніи военныхъ дѣйствій были посланы поздно. Особенно непростительно было это относительно испанской арміи, которая скорѣе другихъ могла встрѣтиться съ непріателемъ. Только 8 апрѣля посланъ былъ къ ней Сень-Симонъ, съ приказаніемъ прекратить военныя дѣйствія, и только 14-го прибылъ онъ въ лагерь Сульта, послѣ того, какъ послѣднимъ было проиграно сраженіе при Тулузѣ и городъ былъ уступленъ Велингтону. Испанская армія составлена была безспорно изъ лучшихъ войскъ императора, и здѣсь труднѣе всего было удержать ея негодованіе. Самъ маршалъ не повѣрилъ полученнымъ извѣстіямъ и выслалъ присланнаго къ нему адъютанта изъ лагера. Сень-Симонъ отправился къ шедшему на соединеніе съ Сультомъ Сюше. Тотъ призналъ его полномочіе и только этимъ побудилъ Сульта послѣдовать его примѣру и заключить съ Англичанами перемиріе. Наконецъ и всѣ отдѣльные отряды въ самой срединѣ Франціи покорились необходимости. Такимъ образомъ, сопротивленіе прекращено было отъ Антверпена до Гамбурга, отъ Гамбурга до Милана, отъ Милана до Тулузы и отъ Тулузы до Венсена. Но если присутствіе Наполеона не беспокоило болѣе Бурбоновъ, если прекращено было сопротивленіе его армій, то тѣмъ большаго требовалось благоразумія и мудрости для успокоенія всюду поднявшихся страстей, и вопросъ заключался въ томъ, можно ли было ожидать этихъ качествъ отъ старой династіи и ея приверженцевъ, послѣ 25-лѣтнихъ несчастій и изгнанія.

Графъ Артуа въ первое время совершенно растерялся. Онъ хотѣлъ, чтобы всѣ прониклись счастіемъ, которое неожиданно свалилось ему на голову; онъ увѣрялъ приверженцевъ имперіи, что ничто существенно не измѣнится, и, въ то же время, обѣщалъ эмигрантамъ полное удовлетвореніе и награды за ихъ испытанную вѣрность. Тѣмъ не менѣе, невозможно было оста-

ваться въ неизвѣстномъ положеніи, и нужно было принять въ свои руки власть, на какомъ бы то ни было основаніи. Какъ только поднялся вопросъ о необходимости конституціи, то обнаружилась настоящія чувства и намѣренія. Графъ Артуа не могъ даже понять, какая можетъ быть въ присутствіи законнаго короля или его представителя рѣчь о какой бы то ни было власти внѣ его права, исходящей изъ народа. Нужно было всю энергію императора Александра, всю рѣшимость его не иначе какъ съ конституціей призвать Бурбоновъ, чтобы заставить графа Артуа принять титулъ намѣстника королевства только на условіи принятія предложеній, которыя ему представитъ сенатъ и надъ которыми хлопотали Таллейранъ съ герцогомъ Огрантскимъ. Для Бурбоновъ и эмигрантовъ изгнаніе и несчастіе ни къ чему не послужили; имъ равно не знакомы были какъ страна, надъ которою они желали владычествовать, такъ и духъ времени. Они воображали, что съ горстью своихъ приверженцевъ имъ легко будетъ управлять такую страну, какою была Франція послѣ 25-лѣтняго періода революціи; они и не подозрѣвали, что не пріобрѣли еще никакой силы, что сила принадлежала въ то время арміи Наполеона, готовой провозгласить короля римскаго, и союзникамъ, 200,000 штыковъ которыхъ вовсе не были приведены за тѣмъ, чтобы устроить новое восемнадцатое брюмера для Людовика XVIII. Съ трудомъ уговорили бурбонскаго принца принять сенатъ и получить отъ него желаемый имъ титулъ и сопряженную съ нимъ власть, подъ условіемъ утвердить за брата главныя основанія конституціи. Основанія эти были: раздѣленіе власти между королемъ и палатами, отвѣтственность министровъ, право народа на вотированіе податей, личная свобода, свобода печати, несмѣняемость судей, сохраненіе государственнаго долга, утвержденіе проданныхъ государственныхъ имуществъ, почетнаго легіона, чиновъ и наградъ въ арміи, всеобщая амнистія и проч. Какъ искренни были обѣщанія, какъ глубоко было сознаніе долга въ бурбонскомъ принцѣ, можно видѣть изъ словъ его, обращенныхъ къ друзьямъ: «что дѣлать: согласіе дано, и на первое время нужно сдержать его, а потомъ увидимъ, какъ пойдутъ дѣла, чтобы устроить ихъ иначе». Съ утвержденіемъ графа Артуа въ званіи намѣстника, естественно кончилась роль временнаго правительства. Оно обращено было въ королевскій совѣтъ; но такъ какъ, несмотря на важныя услуги, оказанныя имъ прежней династіи, въ немъ не

было ни представителей арміи, которую необходимо было привлечь, ни эмигрантовъ, смотрѣвшихъ на новую Францію какъ на свое наслѣдство, то въ совѣтъ введены были, минуя Мармона, который увидѣлъ теперь, какъ мало основательны были его надежды играть первую роль, Удино, Монсей и Дессоль, какъ представители арміи, Витроль и аббатъ Прадтъ, какъ приверженцы фоялизма и его тенденцій. Но совѣтъ, такимъ образомъ составленный, былъ все-таки не по душѣ графу Артуа, и онъ образовалъ свой собственный, поселившійся въ Тюльери и составленный исключительно изъ эмигрантовъ и преданныхъ ему людей, не раздѣлявшихъ мнѣнія о необходимости какой бы то ни было конституціи. Такимъ образомъ, намѣстникъ короля, бывшаго еще въ Англіи, сдѣлался центромъ двухъ правительствъ, совершенно различныхъ по своему характеру.

Наконецъ обращено было вниманіе на страну и приняты кое-какія мѣры для залеченія ранъ, нанесенныхъ ей войною. Всюду царствовали хаосъ и всеобщее смущеніе. Военные люди не признавали новаго порядка и кричали противъ измѣнниковъ, продавшихъ страну. Гражданскія власти разбѣжались, либо потеряли всякій авторитетъ и значеніе. Объявленія графа Артуа, герцоговъ Ангулемскаго и Беррійскаго объ отмѣнѣ конскрипціи и косвенныхъ налоговъ произвели еще большее замѣшательство; на югѣ, въ Марсели и въ Бордо налоги эти уже не поступали въ казну, между тѣмъ какъ вслѣдъ за войсками ввезено было огромное количество англійскихъ товаровъ, съ которыми не могли бороться французскія произведенія, обложенныя значительной пошлиной. Въ провинціи посланы были люди съ актами сената о возвращеніи Бурбоновъ, удалены подальше отъ Парижа безпокойныя войска, особенно преданная императору гвардія; въ арміи назначены были новыя, болѣе надежныя начальники. Щекотливый и важный вопросъ о конскрипціи старались обойти, но призванные къ знаменамъ конскрипты 1815 г. были распущены, потому что, съ возвращеніемъ во Францію гарнизоновъ, разсѣянныхъ по крѣпостямъ всей Европы, полагали, что количество войскъ будетъ даже превышать мѣру надобности. Способно ли было новое правительство привести все въ порядокъ, мы это увидимъ ниже, но нельзя не отдать должной справедливости министру финансовъ, барону Луи, единственному даровитому человѣку, попавшему въ составъ правительства. Онъ началъ тѣмъ, что не допустилъ поднести графу

Артуа 10,000,000 франк., отнятыхъ изъ рукъ Маріи-Луизы въ Орлеанѣ и необходимыхъ въ настоящую минуту для уплатъ, не терпѣвшихъ отсрочки. Новое правительство готово было не признавать долговъ имперіи и революціи. Мѣра эта привела бы Францію на край гибели, еслибъ не ея министръ финансовъ. Объявленная имъ рѣшимость признать законными всѣ долги правительства, всѣ его обязательства, удержать, съ ничтожными только ограниченіями, всѣ подати и налоги, несмотря на безразсудное поведеніе принцевъ, объявившихъ отмѣну конскрипціи и косвенныхъ налоговъ, оживило финансы и спасло кредитъ. Министромъ удержанъ былъ и обычай имперіи представлять въ совѣтъ ежемѣсячно бюджетъ доходовъ и расходовъ на слѣдующій мѣсяць. Подобныя мѣры не могли не отозваться благотѣльно на кредитъ, который, можно сказать, былъ упроченъ. Вмѣстѣ съ Наполеономъ рухнула и созданная имъ континентальная система, не успѣвшая погубить англійскую торговлю, но успѣвшая нанести огромный вредъ французской. Чтобы спасти созданныя насильственными средствами мануфактуры, необходимо было тотчасъ же измѣнить тарифъ и уничтожить пошлины на сырые матеріалы, которыя дѣлали невозможной конкуренцію съ нахлынувшими англійскими товарами, освобожденными отъ этой пошлины. Такимъ образомъ, допущенъ былъ свободный привозъ сырыхъ матеріаловъ, особенно хлопчатой бумаги; колоніальныя произведенія, сахаръ, кофе были почти освобождены отъ пошлины, обѣщанъ былъ новый тарифъ и опредѣленіе новой таможенной границы, какъ только это будетъ возможно.

Приведенію въ исполненіе послѣдняго обѣщанія болѣе всего мѣшало присутствіе во Франціи союзныхъ армій. Удаленіе ихъ было всеобщимъ требованіемъ и самымъ щекотливымъ вопросомъ политики. Требовать очищенія территоріи было невозможно, пока еще во французскихъ рукахъ находились крѣпости, захваченныя во времена имперіи. Переговоры объ этомъ предметѣ были поручены Таллейрану. 23 апрѣля заключена была конвенція, по которой войска коалиціи очистятъ Францію по мѣрѣ того, какъ ею сданы будутъ занимаемыя крѣпости, находящіяся внѣ французскихъ границъ 1790 года. Такимъ образомъ, однимъ почеркомъ пера, правительство при послѣдующемъ заключеніи мира лишило себя весьма важнаго залога, чтобы выговорить какія бы то ни было условія. Сначала конвенція встрѣчена была всеобщимъ восторгомъ, такъ какъ всѣ пламенно же-

лали освобожденія страны отъ непріятельскихъ солдатъ, но когда развязанная роялистская пресса яростно напала на приверженцевъ сначала имперіи, а потомъ революціи, и отъ казни герцога Энгіенскаго перешла къ казни Людовика XVI, когда бонапартисты и революціонеры догадались, что обѣщанное забвеніе было пустымъ словомъ, то обѣ партіи соединились и подняли крикъ негодованія противъ конвенціи, лишившей Францію не только Гамбурга, Магдебурга, Флессингена, но и Майнца, Антверпена и Люксембурга. Безчисленное множество офицеровъ, оставившихъ знамена, несмотря на запрещеніе, явились въ Парижъ узнать, что сдѣлають съ ними, и усиливали партію недовольныхъ, уже возбужденную угрозами возвращенія стараго порядка и лестью людямъ, запятнавшимъ себя участіемъ въ революціи или сочувствіемъ къ ней.

Намѣстникъ короля еще болѣе способствовалъ всеобщему смущенію потворствомъ эмигрантамъ. Дерзость послѣднихъ дошла до того, что они остановили на границѣ супругу Иеронима, принцессу виртембергскую, ограбили ее, несмотря на трактатъ, гарантировавшій ей неприкосновенность, и отнятыя у ней вещи представили въ Тюльери. Императоръ Александръ долженъ былъ принять принцессу, свою родственницу, подъ защиту и заставить возвратить ей ея имущество. Такое положеніе дѣлъ родило всеобщее желаніе о скорѣйшемъ прибытіи короля, который отвратилъ бы зло и высказался относительно своей политики къ людямъ обѣихъ враждебныхъ партій и къ условіямъ, на основаніи которыхъ его призывали на престолъ. Графъ Прованскій, проведеншій столько времени въ Англіи и приглядѣвшійся къ ея политическому устройству, повидимому, не имѣлъ ничего противъ такого рода правленія, при которомъ все бремя и отвѣтственность лежатъ на министрахъ, а король освобожденъ отъ всякаго безпокойства; но когда пришлось прилагать эту готовность къ дѣлу, то ему многое не понравилось. Прежде всего онъ не хотѣлъ и слышать о какой бы то ни было присягѣ или о вынужденномъ обязательствѣ. Онъ давалъ конституцію не вслѣдствіе необходимости, бывшей революціи, требованій времени, а по прирожденному, вѣчно принадлежащему ему праву.

Въ проѣздъ короля черезъ Лондонъ, ему приготовленъ былъ великолѣпный пріемъ, какъ со стороны принцевъ царствовавшего въ Англіи дома, такъ и со стороны народонаселенія, надѣвшаго

въ честь его бѣлую кокарду. Окруженный нѣсколькими друзьями, графъ Прованскій, принявшій имя Людовика XVIII, переплылъ проливъ и встрѣченъ былъ толпами французскаго народа, бросившагося, при его приближеніи, на колѣни. Въ Компьенѣ, въ великолѣпномъ дворцѣ, отдѣланномъ Наполеономъ, назначенъ былъ первый отдыхъ. Сюда явились на встрѣчу къ королю маршалы, готовые тоже броситься на колѣни предъ законнымъ монархомъ, если бы только онъ дозволилъ это. Бертье сказалъ льстиво-пошлую рѣчь — король остался доволенъ. Странно было слышать изъ устъ Мармона, Нея, Келлермана, Удино, Монсея, Бертье удивленіе къ особѣ короля, къ его величію; еще страннѣе будетъ это для будущаго поколѣнія. Вслѣдъ за маршалами явился и Таллейранъ. Будущаго перваго своего министра Людовикъ принялъ вѣжливо, но холодно. Какъ ни ловко старался онъ скрыть это, тѣмъ не менѣе, это стало скоро всѣмъ извѣстно. Императоръ Александръ тоже отправился въ Компьень встрѣтить короля. Людовикъ принялъ его съ распростертыми объятіями. Совѣты императора были приняты холодно; король показывалъ, что ему извѣстно положеніе Франціи и Европы и что на каждый современный вопросъ имъ заготовлено было рѣшеніе. Императору Александру нечего было скрывать своего неудовольствія послѣ свиданія съ Людовикомъ XVIII: оно было непримѣнимо къ тому, въ рукахъ у кого находилась судьба Франціи и 200,000 штыковъ котораго составляли силу болѣе существенную, чѣмъ всѣ права Людовика XVIII. Вслѣдъ за русскимъ императоромъ представлялся законодательный корпусъ.

Изъ Компьеня королевскій поѣздъ направился въ Сентъ-Уанъ, послѣднюю станцію до Парижа. Здѣсь рѣшено было обнародовать манифестъ на предложенія сената. Трудъ этотъ порученъ былъ Блака и Витролю. Наконецъ представился и сенатъ, теперешній совѣтъ королевскій, явившійся на поклонъ, не дожидаясь отвѣта на условія, имъ предложенныя. Опять съ обѣихъ сторонъ повторилась лесть, прикрывавшая преднамѣренный обманъ и малодушіе, опять та же редакція рѣчи Таллейрана. 3 мая 1814 года Людовикъ вступилъ въ столицу своихъ предковъ, съ великолѣпіемъ, напомнившимъ былыя времена, повтореніе которыхъ легковѣрные люди считали невозможными. Впрочемъ, вниманіе толпы отъ коляски, запряженной въ восемь лошадей, въ которой сидѣлъ король, съ герцогиней Ангулемской, имѣя напротивъ себя двухъ принцевъ Конде, а по бокамъ вер-

хомъ графа Артуа и герцога Беррійскаго, скоро перешло на отрядъ старой гвардіи, сопровождавшій короля изъ Компьена. Гвардіи давно уже не видѣли въ Парижѣ. Имперія развила вкусы, которые подрывали прежнее пристрастіе къ кортежамъ и каруселямъ. Среди громогласныхъ криковъ *vive le Roi!* раздавалось не менѣе громко *vive la garde!*

Парижское населеніе пѣняло короля съ восторгомъ, хотя нѣсколько меньшимъ, чѣмъ недавно графа Артуа. Это было уже повтореніе и не имѣло за собой интереса новости. Король и семейство его были взволнованы; герцогиня Ангулемская, по возвращеніи процессіи изъ собора Богоматери въ Лувръ, упала въ обморокъ, при первомъ взглядѣ на дворецъ, изъ котораго отецъ и мать ея вышли, чтобы отправиться въ Тамплъ, а оттуда на эшафотъ. Можно ли было надѣяться, что на этотъ разъ древній дворецъ останется постояннымъ мѣстопробываніемъ призванной династіи? Если бы еще вмѣстѣ съ своимъ возвращеніемъ она принесла съ собой пониманіе времени и народа, надъ которымъ ей приходилось снова царствовать! Нужно было взглянуть только на дворъ, окружавшій Людовика XVIII, чтобы убѣдиться, чего можно было ожидать отъ приверженцевъ легитимизма. Въ первый же день, по настоянію роялистовъ, оскорблена была старая гвардія, которой, какъ казалось эмигрантамъ и придворнымъ, опасно было поручить священную и драгоцѣнную особу короля. Гвардія, посѣдѣвшая въ услугахъ странѣ и въ вѣрности порученному ей дѣлу, безъ соблюденія даже приличій, была выслана изъ дворца, какъ ненадежная защита для королевскаго семейства.

Если каждый день отнималъ вѣру въ искренность Бурбоновъ, то составъ правительства выказалъ и полную ихъ неспособность. Королевскій совѣтъ обращенъ былъ въ верховный, которому подчинены министры. Баронъ Луи утвержденъ былъ министромъ финансовъ, Дюпонъ военнымъ; Таллейрану поручено было министерство иностранныхъ дѣлъ, Блака — министерство двора, Монтескью — внутреннихъ дѣлъ; Дамбре сдѣланъ канцлеромъ и министромъ юстиціи; управленіе почтами поручено было Феррану, полиціей — Бенъо. Чего можно было ожидать отъ подобнаго рода людей, которымъ вдобавокъ не довѣрялъ король и парализировалъ ихъ распоряженія? Въ первое засѣданіе коснулись всѣхъ главнѣйшихъ вопросовъ: рѣшено было сократить армію и флотъ, по крайней мѣрѣ, на половину, утверждены мѣры

министра финансовъ для возстановленія кредита, но, несмотря на всѣ доводы барона Луи, король выразилъ непреклонное желаніе возобновить древнюю дворянскую гвардію (*maison de roi*), и въ разиѣрѣ болѣе значительномъ прежняго; наконецъ положено было вступить въ переговоры съ союзниками объ очищеніи Франціи. О конституціи не было сказано ни слова, хотя собраніе сената и законодательнаго корпуса назначено было на 10 іюня. Императоръ Александръ снова подтвердилъ свое рѣшеніе не оставлять Франціи, пока не улажены будутъ отношенія между королемъ и страной. Дѣйствительно, важнѣйшимъ вопросомъ было заключеніе мира, а рѣшеніе его возможно было только съ утвержденіемъ конституціи.

Переговоры о мирѣ ведены были Таллейраномъ. Хотя главнѣйшія желанія великихъ державъ и были извѣстны, тѣмъ не менѣе союзники рѣшили отдѣлать общеевропейскія дѣла отъ французскихъ, чтобы отстранить Францію отъ будущихъ переговоровъ въ Вѣнѣ. Къ тому же, послѣдніе могли продлиться весьма значительное время, а заключеніе мира съ Франціей не терпѣло отлагательства. При возстановленіи Бурбоновъ, Франціи обѣщаны были предѣлы 1790 года, къ которымъ союзники намѣревались придать пограничные участки, съ милліономъ населенія. Теперь они отказались отъ своего обѣщанія, и тогда почувствовалась вся ошибка заключенія конвенціи 23 апрѣля, послужившей первой причиной потери популярности Бурбоновъ. Но тѣ, которые нападали на нее, не замедлили сдѣлать новую, отвергнувъ мнѣніе генерала Дессоля, совѣтовавшаго принять границы 1790 года, но, не заключая окончательнаго мира, оставить за собою право требовать предъ будущимъ конгрессомъ пересмотра бельгійской границы. Всѣ были увлечены общимъ желаніемъ заключить миръ, во что бы то ни стало, чтобы избавить провинціи отъ разореній, производимыхъ союзными войсками, и Парижъ отъ ихъ присутствія, которое оскорбляло національное чувство. Послѣ долгихъ переговоровъ, 30 мая былъ подписанъ миръ. Если принять во вниманіе то безвыходное положеніе, въ которое Наполеонъ привелъ Францію, то условія мира были далеко не такъ тягостны: она удержала границы 1790 года, съ небольшими измѣненіями въ ея пользу со стороны Бельгіи, Швейцаріи и Савоіи, освобождена отъ контрибуціи, несмотря на страстное желаніе Пруссіи отплатить ей за тильзитскій миръ,

удержала богатѣйшіе музеи, составленные изъ сокровищъ искусства, награбленныхъ въ Италиі и Испаніи.

Что касается до того, какъ поступлено будетъ съ землями, отнятыми у Франціи, то ей только сообщили въ явныхъ статьяхъ, что Германія будетъ независима и получить федеративное устройство, что Голландія перейдетъ къ оранскому дому и значительно усилена, что Швейцарія останется независимой, что Италия, за исключеніемъ земель, которыя отойдутъ къ Австріи, будетъ раздѣлена на независимыя государства, а въ тайныхъ статьяхъ, что Бельгія будетъ присоединена къ Голландіи, что французскія провинціи на лѣвомъ берегу Рейна войдутъ въ составъ германскихъ государствъ, что владѣнія Австріи въ Италиі ограничены будутъ Тессино, По и озеромъ Маджоре; наконецъ, что сардинскій король получитъ Генуу.

Главная потеря была уступка Ильефранса; но, несмотря на все стараніе удержать его, лордъ Кэстльре категорически объявилъ, съ нѣкотораго рода цинизмомъ, что такой важный пунктъ по дорогѣ въ Индію долженъ и будетъ принадлежать Англій. А когда напомнили ему объ обѣщаніяхъ, провозглашенныхъ съ Рейна и повторенныхъ по вступленіи во Францію и предъ вступленіемъ въ Парижъ, то гордый Британецъ далъ почувствовать, что Франція должна еще быть благодарна союзникамъ, что они не заставили ее испытать участь Польши.

О Саксоніи и Польшѣ не было сказано ни слова: такъ всѣ боялись поднять страсти и выказать намѣренія тѣхъ, которые, какъ побѣдители, думали рѣшить этотъ вопросъ въ свою пользу.

Несравненно важнѣе и труднѣе для разрѣшенія былъ вопросъ о конституціи, безъ утвержденія которой союзники не хотѣли оставлять Парижа. Роялисты, старые аристократы ненавидѣли все, что случилось во Франціи со времени революціи, и готовы были силой вернуться къ тому положенію, въ которомъ она находилась двадцать-пять лѣтъ тому назадъ. Многіе изъ нихъ не понимали иного устройства, какъ на возстановленіи прежнихъ парламентовъ, противорѣчившихъ иногда королю, но никогда его не останавливавшихъ. Весьма немногіе чувствовали отвращеніе къ безплоднымъ, писаннымъ конституціямъ, которыя были въ ходу уже болѣе пятидесяти лѣтъ, сознавая, что конституція есть плодъ исторической жизни народа, что она не выдумывается теоретиками, а рождается изъ обычаевъ, преда-

ній, привычекъ, составляющихъ сущность политической и социальной его жизни. Но при такомъ взглядѣ, подтверждавшемся вѣковымъ устройствомъ и эфемерностію множества конституцій, которыя смѣнялись одна другою въ послѣднее время, можно ли было отдать предпочтеніе неограниченной монархіи съ парламентомъ, члены котораго за противорѣчіе отдавались подъ судъ или заключались въ Бастилю, съ государственными чинами, собиравшимися разъ въ столѣтіе и распускавшимися тотчасъ по ихъ собраніи? Гдѣ было богатое, привилегированное дворянство, державшее въ своихъ рукахъ армию? гдѣ было не менѣе богатое, ловкое, заслуженное духовенство? гдѣ было среднее сословіе, судебныя корпораціи и другія принадлежности монархіи? Какъ бы то ни было, революція сдѣлала свое дѣло: если партіи смотрѣли каждая съ своей точки на конституцію, то общественное мнѣніе было непоколебимо насчетъ всеобщаго гражданскаго равенства, состоявшаго въ равныхъ правахъ и обязанностяхъ каждого гражданина и равномъ участіи въ несеніи податей и военной службы, въ правѣ быть судимымъ на основаніи однихъ и тѣхъ же законовъ, тѣми же судьями, въ равномъ для всѣхъ правѣ на службу, на занятіе должности, каково бы ни были происхожденіе, богатство, религіозныя убѣжденія.

Это было великое наслѣдство революціи; къ нему присоединилось и завѣщаніе имперіи: желаніе ограничить монархію палатою представителей. Тьеръ говоритъ: двумя палатами, но это въ прямомъ противорѣчій съ предъидущимъ, и знаменитый историкъ часто не хочетъ видѣть этихъ противорѣчій.

Что касается до формы, въ которой долженствовала быть выражена конституція, то мы уже сказали мнѣніе объ этомъ предметѣ короля. Онъ даровалъ конституцію, а не принималъ ее, и современники, довольные сущностію ея, не поняли громадной разницы, происходящей отъ этой формы: тогда еще не предполагали возможности отнять дарованную конституцію и никому не приходило въ голову, что дарованное право можно измѣнить, сократить, отиѣнить вовсе. Редакція этого важнаго труда поручена была Монтескью, Дамбре, Феррану и Беньо, то есть законенѣлымъ роялистамъ. Король смѣло ввѣрилъ имъ этотъ трудъ, подъ однимъ условіемъ—не посвящать въ него Таллейрана, который, въ случаѣ затрудненій, могъ прибѣгнуть къ русскому императору. Проектъ конституціи былъ представленъ на раз-

смотрѣніе двухъ комиссій отъ сената и законодательнаго корпуса, которыя не сдѣлали въ немъ никакихъ серьезныхъ замѣчаній, хотя пренія и были весьма оживлены.

Въ конституціи значились главнѣйшими основаніями гражданское, судебное и служебное равенство, личная свобода, свобода совѣсти, печати, неприкосновенность собственности, амністія и забвеніе прошлаго и т. д. Впрочемъ, римско-католической вѣрѣ отдано нѣкоторое предпочтеніе: она объявлена религіей государства; а что разумѣлось подъ словомъ личной независимости и свободы печати, никто хорошенько не зналъ этого, и мы увидимъ это ниже. Гораздо интереснѣе для всѣхъ былъ вопросъ о неприкосновенности собственности, ясно выраженной въ конституціи вслѣдствіе настояній министра финансовъ, неохотно принятыхъ королемъ. Роялисты не могли разстаться съ мыслью, что проданныя ихъ имущества, во время ихъ эмиграціи или войны съ Франціей, должны быть имъ возвращены. Съ трудомъ успокоили ихъ статьей, говорящей, что государство можетъ потребовать жертвы отъ частной собственности для удовлетворенія законнымъ общественнымъ нуждамъ, за равноцѣнное вознагражденіе. Между тѣмъ, статья, дарующая королю право издавать постановленія для побужденія къ исполненію законовъ, имѣя въ виду государственное благосостояніе, передающая ему, если онъ захочетъ, диктатуру, прошла незамѣченной. О законодательной инициативѣ были сильныя пренія, такъ какъ роялисты хотѣли сохранить ее для короля: тогда еще не было извѣстно по опыту, какъ стусевывается эта прерогатива правомъ палаты призывать къ власти избранныхъ людей, которые вслѣдствіе самаго избранія вносятъ законы, въ которыхъ дѣйствительно нуждается страна.

Законъ, предложенный королемъ, получалъ королевскую санкцію, Впрочемъ не прежде, какъ онъ пройдетъ черезъ обѣ палаты; а чтобы не подвергнуть опасности предложеніе правительства безусловнымъ принятіемъ его или отверженіемъ, палатамъ предоставлено право предлагать исправленіе закона. Сенатъ обращенъ былъ въ палату перовъ, что напоминало болѣе древнія времена; перы избирались королемъ, они были наследственны; принцы крови были объявлены перами по рожденію, но засѣдать въ палатѣ могли только съ разрѣшенія короля, чтобы отстранить примѣры, подобные герцогу Орлеанскому. Нижнюю

палату должны были составить, до избранія новыхъ депута- товъ, члены законодательнаго корпуса. Для избирателей назна- ченъ былъ высокій ценсъ, но избираемые были освобождены отъ него, а нижней палатѣ предоставлена была инициатива въ дѣлахъ финансовыхъ, верхней порученъ высшій судъ въ важ- ныхъ случаяхъ, когда, напримѣръ, приходилось судить минист- ровъ. Палаты должны собираться ежегодно; нижнюю король имѣлъ право распустить, съ условіемъ созвать новую въ про- долженіе трехъ мѣсяцевъ по распущеніи старой. Магистратура была оставлена на прежнемъ основаніи. Вотъ самыя характери- стическія черты новой конституціи, если присоединить къ нимъ обломки прежнихъ учрежденій, почетнаго легіона, чиновъ, от- личій и пенсіоновъ въ арміи, обоихъ дворянствъ, сохраненіе го- сударственнаго долга и проч.

Людовику легко было согласиться на конституцію послѣ того, какъ спасенъ былъ главный принципъ, который онъ только и цѣнилъ; онъ согласился даже, при коронованіи своемъ, дать обѣщаніе сохранять ее, какъ обязательство, данное Богу, между которымъ и королемъ никто не можетъ быть судьей. Наконецъ, объявленіе конституціи назначено было на 4 іюня, и союзные государи, подписавъ миръ съ Франціей (30 мая), могли отпра- виться изъ Парижа въ полной надеждѣ, что прочно утвердили какъ внѣшнія отношенія страны, такъ и внутреннее ея устрой- ство.

Впрочемъ, при окончательной редакціи конституціи, подня- лись два вопроса, которые казались весьма важными въ глазахъ роялистовъ: время ея дарованія и ея наименованія. Первый былъ безусловно рѣшенъ королемъ: онъ давалъ конституцію въ де- вятнадцатый годъ своего царствованія, начавшагося со дня смер- ти сына несчастнаго Людовика XVI; по его мнѣнію, онъ не пе- реставалъ царствовать и въ то время, когда императоръ Напо- леонъ одерживалъ побѣды въ дни Аустерлица, Іены, Фридлан- да, Ваграма и подписывалъ миры въ Пресбургѣ, Тильзитѣ, Вѣнѣ. Что касается до втораго вопроса, то сначала сдѣлано было предложеніе наименовать конституцію *указомъ о преобра- зованіи* (*ordonnance de réformation*), но потомъ измѣнили его на *конституціонную хартію* (*charte constitutionnelle*), ближе всего напоминавшую характеръ древнихъ общихъ преобразованій. Споры о послѣднемъ мало интересовали короля, который, послѣ рѣшенія перваго вопроса, весь поглощенъ былъ составленіемъ и

затверженіемъ наизусть рѣчи, которою онъ долженъ былъ открыть засѣданія палаты.

Мы не послѣдуемъ за краснорѣчивымъ французскимъ историкомъ въ его описаніи торжественнаго открытія палаты, не будемъ повторять вслѣдъ за нимъ восторженные похвалы достоинству, съ которымъ держалъ себя Людовикъ XVIII, и не станемъ восхищаться величіемъ короля, поразившимъ даже нерасположенныхъ къ нему людей, тѣмъ болѣе, что, за нѣсколько страницъ прежде, историкъ весьма непривлекательно рисуетъ наружность и манеры Людовика XVIII. Мы не послѣдуемъ также за мѣрами, принятыми коалиціей противъ могущихъ рздаться при чтеніи великолѣпной рѣчи неизмѣнныхъ возгласовъ или свистковъ. Последнее показываетъ только, съ одной стороны, что много было недовольныхъ, а съ другой, что правительство хорошо знало это. Мы пропустимъ все это и прослѣдимъ за первыми шагами новаго правительства, чтобы достойно оцѣнить его, а потомъ перейдемъ къ главному предмету XVIII тома—къ вѣнскому миру.

Положеніе Франціи въ первые дни реставраціи было таково, что управленіе ею было не подъ силу и не такому мало популярному правительству, какимъ было правительство Людовика XVIII. Партія и страсти, ступавшіяся подъ желѣзною рукою Наполеона, опомнились послѣ того какъ рухнула имперія; но никто не былъ доволенъ. Старые и новые дворяне и мѣщане, ханжи и философы, священники, принявшіе конкордаты и не принявшіе его, солдаты Конде и солдаты республики стояли другъ противъ друга и снова готовы были помѣряться силами, если правительство не сумѣетъ примирить ихъ.

Ярые роялисты, — роялисты болѣе, чѣмъ самъ король (*plus royalistes que le roi*), недовольные ни королемъ, котораго считали чуть не якобинцемъ, ни выпавшею на ихъ долю добычею, ни беззаконной хартіей, группировались вокругъ графа Артуа, терявшаго всякую популярность за конвенцію, бывшую будто бы причиной безславнаго мира, между тѣмъ какъ другіе, болѣе либеральные и не желавшіе полнаго возвращенія добраго стараго времени, становились по преданію за богатымъ герцогомъ Орлеанскимъ. Это внутри самаго Тюльери. Внѣ его начали наконецъ собираться люди, болѣе другихъ оглушенные непредвидимымъ паденіемъ Наполеона, вызываемые угрозами или клеветой противныхъ партій. Это были Коленкуръ, Камбасересъ,

Бассано, Ровиго, герцоги Калорскій, Газтскій и проч. Они стали видѣться, собираться, посѣщать королеву Гортензію, перестали ходить во дворець, несмотря на лестный пріемъ, который всегда былъ готовъ для нихъ въ Тюльери. Къ нимъ присоединился Сульть, недовольный предпочтеміемъ, оказаннымъ Сюше, которому поручили испанскую армию; Массена, которому отказали во французскомъ гражданствѣ, потому что онъ родился въ двухъ верстахъ отъ границъ Франціи; наконецъ Даву, презиравшій роялистовъ, какъ и союзныхъ генераловъ, готовившій свой мемуаръ и оправданіе въ геройской защитѣ Гамбурга. Подлѣ нихъ группировались революціонеры всѣхъ оттѣнковъ, собиравшіеся у Барраса оплакивать свободу, сгубленную Наполеономъ. Здѣсь были и маршалъ Лефевръ, и Сіесъ, и сенаторы, исключенные изъ сената за то, что вотировали смерть Людовику XVI, въ числѣ которыхъ былъ вѣроломный и пошлый Фуше, всегда готовый все покупать и все продавать, лишь бы играть какую нибудь роль. Въ гостиной у г-жи Сталь собиралось все, что было замѣчательнаго въ литературномъ мірѣ; здѣсь хвалили по преимуществу британскую свободу. Партія эта называлась конституціонною, и главными ея представителями были Лафайетъ и Бенжаменъ Констанъ (!). Партія эта была сильна буржуазіей, которой собственно было не до политики, лишь бы только шла торговля и возобновились прерванныя дѣла, лишь бы утвердился порядокъ, а кѣмъ, Бурбонами или другими, для нея было все равно. Эту партію историкъ имперіи называетъ самую просвѣщенною, самую безпристрастною и самую патриотическою, и послѣднее подтверждаетъ тѣмъ, что изъ нея составлена была національная гвардія. Положеніе провинцій было тоже неутѣшительно: на западѣ шуаны поднялись для защиты короля, несмотря на увѣренія префектовъ, что король находится въ благополучіи и что его защищать не отъ кого; возбуждаемые духовенствомъ, они грозили всѣмъ, кто пріобрѣлъ имущество, принадлежавшее нѣкогда эмигрантамъ; большіе города, какъ Нантъ, Бордо, Тулуза, громогласно объявили, что не станутъ платить косвенныхъ налоговъ; Марсель кромѣ того требовалъ свободнаго порта; на югѣ возгорѣлись прежнія религіозныя страсти и готовы были вспыхнуть при первомъ ошибочномъ распоряженіи правительства; на востокѣ богатый и важный Ліонъ и провинціи, разоренныя войною, несмотря на это, громко высказывали свои симпатіи къ имперіи. Наконецъ, войска и солдаты, возвращавшіеся въ огром-

номъ количествѣ во Францію со всѣхъ концовъ Европы, неприязненно смотрѣли на Бурбоновъ, въ которыхъ видѣли соучастниковъ чужеземцевъ. Они не хотѣли снять трехцвѣтной кокарды и видѣли въ низложенномъ императорѣ представителя славы, величія и независимости Франціи. Сдержатъ ихъ чувства и подчинить дисциплинѣ было особенно затруднительно. Къ тому же, большая часть изъ нихъ вынесла огромныя страданія и болѣе года не получала никакого содержанія. Лестъ, расточаемая предъ маршалами, не могла успокоить и удовлетворить ихъ.

Первымъ дѣломъ правительства было приступить къ преобразованію арміи. Прежде всего ей выдали слѣдующее жалованье. Такъ какъ количество людей, возвратившихся подъ знамена, превышало потребности и такъ какъ суммы на военные расходы были ограничены министромъ финансовъ до 200,000,000 франковъ, то рѣшено было удержать подъ знаменами не болѣе 200,000 чел., а остальныхъ распустить по домамъ; для будущаго же времени изготovitъ проектъ, какъ пополнять армію.

Труднѣе всего было рѣшить вопросъ объ офицерахъ, число которыхъ простиралось до 50,000, между тѣмъ какъ правительство не нуждалось и въ половинѣ ихъ, а остальныхъ не имѣло возможности оставить на своемъ содержаніи. Предложенная мѣра, какъ ни оправдывалась необходимостію, была весьма опасна. Рѣшено было 30,000 офицеровъ считать за штатомъ, на половинномъ содержаніи и съ правомъ на двѣ трети открывающихся вакансій. Всѣ были недовольны этой мѣрой, даже оставшіеся на службѣ, потому что имъ прекращенъ былъ путь къ повышенію. Распуститъ гвардію, впрочемъ, не рѣшились. Она удержала всѣ свои привилегіи, какъ избранное войско, но лишена была права охранять короля и составила два четырехъ-баталіонныхъ полка *французскихъ гренадеровъ и егерей*; кавалерія составила 4 полка *французскихъ кирасиръ, драгунъ, конныхъ егерей и уланъ*, всего пѣхоты и кавалеріи до 8,000. Армія была раздѣлена на 90 полковъ (въ 3 баталіона, а баталіонъ въ 6 ротъ) тяжелой пѣхоты, 15 легкой, въ полнсмъ составѣ до 300,000 чел.; кавалерія на 56 полковъ (4-эск. состава): 14 тяжелой кавалеріи, 21 средней и 21 легкой, всего до 36,000 коней; артиллерія раздѣлена была на 8 пѣшихъ полковъ и 4 конныхъ, всего до 15,000. Но, за отставками и отпусками, налицо было съ гвардіей 214,000, Несмотря на доводы министра финансовъ, король настоялъ на восстановленіи дворян-

ской гвардіи. Учрежденіе это никогда не было популярно. Въ настоящее время расходы на него лишили правительство возможности сохранить подъ знаменами болѣе 50,000 солдатъ, которыхъ оно отдавало на произволъ всякой случайности; но таково было убѣжденіе роялистовъ, что всѣ несчастія, обрушившіяся на Францію и злополучнаго короля, происходили оттого, что дворянская гвардія была слишкомъ малочисленна. Къ тому же, надобно было хоть что нибудь сдѣлать для молодыхъ дворянъ, стекавшихся со всѣхъ сторонъ просить назначеній и содержанія. Дворецъ съ этимъ учрежденіемъ принялъ прежній оживленный видъ: корридоры его наполнились разными *mousquetaires*, *gendarmes*, *cheveux-legers*, обязанныхъ нести только почетную службу во время выходовъ, церемоній, приемовъ. Мало того: къ четыремъ возстановленнымъ ротамъ, отданнымъ древнимъ фамиліямъ, присоединено было еще двѣ, капитанами которыхъ назначены Бертье и Мармонъ; возстановлены были также Швейцарцы. Можно себѣ представить, съ какимъ нерасположеніемъ встрѣченъ былъ этотъ роскошный капризъ короля, особенно въ рядахъ арміи, и какія породилъ онъ печальныя столкновенія. Въ самой арміи нумера полковъ, изъ которыхъ каждый считалъ себя чѣмъ нибудь прославившимся, были перетасованы съ цѣлю изгладить изъ памяти полковъ то, что забытъ они были не въ состояніи. Чтобы привязать ихъ къ династіи, имъ розданы были почетныя наименованія: полка короля, королевы, дофина и проч. Королевскіе принцы назначены были главными начальниками отдѣльныхъ частей войскъ. Сокращенія во флотѣ были еще значительнѣе. Изъ ста линейныхъ кораблей и двухсотъ фрегатовъ предположено было оставить менѣе десятой части. Матросы были распущены. Къ офицерамъ приложена та же мѣра половиннаго содержанія; но имъ дозволено было, не выходя въ отставку, поступать на мѣста въ коммерческомъ флотѣ, который долженъ былъ, по заключеніи мира, принять большее развитіе.

Орденъ почетнаго легіона былъ удержанъ; но внѣшніе его знаки были измѣнены. Таллейранъ предложилъ было замѣнить изображеніе Наполеона, создавшаго его, изображеніемъ Людовика XVIII, но такая грубая лестъ не нашла сочувствія въ собѣтѣ, и рѣшено было замѣнить императора Генрихомъ IV. Дѣлая, впрочемъ, такую уступку времени, позаботились ослабить

ее возстановленіемъ ордена св. Людовика, который и розданъ былъ въ огромномъ числѣ во всей арміи.

Герцогу Беррійскому, болѣе другихъ принцевъ пристрастному къ военной службѣ, ввѣрена была забота объ арміи; но всюду войска его принимали холодно, и нерѣдко между слабыхъ криковъ *vive le roi!* раздавалось вокругъ него *vive l'empereur!* Всѣ мѣры правительства относительно арміи только увеличивали ея нерасположеніе. Великолѣпно разодѣтымъ офицерамъ дворянской гвардіи войска рѣшительно отказывались дѣлать честь, и, что было еще опаснѣе, тому же принцу послѣдовала національная гвардія, которую тоже выслали изъ внутреннихъ покоевъ Тюльери, порученныхъ дворянамъ. Тогда удвоили лезть, обильно расточаемую предъ маршалами, за исключеніемъ одного Даву, которому запретили пріѣздъ ко двору, пока онъ не объяснитъ своего поведенія въ Гамбургѣ. Маршалъ съ достоинствомъ встрѣтилъ отказъ и продолжалъ свой мемуаръ. Опала быстро подняла его въ глазахъ всѣхъ недовольныхъ офицеровъ на половинномъ содержаніи, пріѣхавшихъ въ огромномъ числѣ въ Парижъ и преслѣдовавшихъ сарказмами и насмѣшками всякое распоряженіе правительства, не щадившихъ самого короля и его лѣнь и неподвижность, бывшія въ такомъ противорѣчьи съ неутомимою дѣятельностію императора. За ними подымало голову безчисленное количество чиновниковъ имперіи, потерявшихъ мѣста, переданныя эмигрантамъ и роялистамъ. Чтобы освободиться отъ опаснаго присутствія въ Парижѣ маршаловъ и, въ то же время, чтобы удовлетворить ихъ самолюбіе, имъ поручили начальствованіе надъ войсками въ провинціяхъ. Поведеніе правительства, оттолкнувшее армію, было еще менѣе разборчиво относительно людей революціи, предъ которыми не скрывали угрозъ и антипатій, ибо менѣе боялись ихъ. Въ годовщину смерти Генриха IV объявлено было торжественное поминовеніе Людовика XVI, читано было его завѣщаніе, въ которомъ прощалъ онъ врагамъ своимъ, произнесены были обличительныя рѣчи, въ которыхъ вся революція представлялась безконечнымъ преступленіемъ, не исключая и принциповъ, во имя которыхъ поднялась она. Потомъ послѣдовали торжественныя панихиды по другимъ погибшимъ лицамъ династіи, по Моро, Пишегрю, даже по Жоржу Кадудалю, объявившему предъ трибуналомъ намѣреніе умертвить перваго консула. Роялистская пресса подливала масла въ огонь. Вскорѣ началась война противъ огромнаго числа гражданъ, ко-

которые какими бы то ни было путем приобрѣли имѣнія, конфискованныя во время эмиграціи у роялистовъ, и, несмотря на объявленную нѣсколько разъ неприкосновенность этого рода имущества, теперь стали громко говорить о возвращеніи его старымъ владѣльцамъ, за приличное вознагражденіе. Духовенство, потерявшее свои земли и ближе другихъ заинтересованное въ этомъ предметѣ, открыло походъ проповѣдями противъ новыхъ владѣльцевъ и противъ поддерживавшаго ихъ такъ называемаго присягнувшаго (принявшаго конкордатъ) духовенства. Это было тѣмъ болѣе возможно, что о конкордатѣ не было помѣщено ничего въ хартіи. Бурбоны и роялисты, изъ всѣхъ учрежденій Наполеона, болѣе всего ненавидѣли конкордатъ, за который Франція обязана ему наибольшою благодарностію, потому что онъ лишалъ ихъ важнѣйшей опоры дѣйствовать на народъ и проложилъ первому консулу путь къ престолу. Несмотря на всѣ интриги старой династіи, новое учрежденіе быстро привилось къ странѣ, и духовенство, принявшее конкордатъ, составляло огромное большинство, которое заслужило сочувствіе народа. Священники, не хотѣвшіе зависимости отъ свѣтской власти императора, стали въ сторонѣ и составили «малую церковь». Одно изъ великихъ дѣлъ революціи готово было погибнуть; равнодушный сенатъ исключилъ его изъ хартіи, и Бурбоны съ роялистами рѣшились въ этомъ дѣлѣ просто вернуться къ священной старинѣ, несмотря на сопротивленіе, которое они могли встрѣтить со стороны самого папы, которому приходилось въ такомъ случаѣ въ третій разъ смѣнять священниковъ и сановниковъ церкви и замѣщать ихъ другими. Пій VII, не зная еще готовившихся ему предложеній, самъ вызвался на нѣкоторыя измѣненія въ конкордатѣ, но потребовалъ отъѣзны помѣщенной въ хартіи свободы вѣроисповѣданій, уступки Авиньона и ходатайства предъ Европою о возвращеніи легатствъ, Понте-Корво и Беневента. Графъ Артуа, герцогиня Ангулемская, множество эмигрантовъ, вернувшихся изъ Англіи, въ которой такъ свято исполнялось воскресенье, были скандализированы несоблюденіемъ его во Франціи и съ отвращеніемъ видѣли, что въ воскресенье открыты кофейни, лавки, рестораціи и увеселительныя мѣста. Бенъ отыскалъ въ постановленіяхъ революціи празднованіе декадъ и успѣшилъ исполнить желаніе богомольцевъ и ханжей. Но то, что прилично для Англіи, показалось неприличнымъ для Парижа, народонаселеніе котораго приняло

распоряженіе набожнаго правительства съ такимъ негодованіемъ, что нужно было употребить въ дѣло національную гвардію. Правительство успѣшило взять назадъ свое приказаніе.

Къ религіозному замѣшательству присоединился вопросъ о свободѣ печати. Обѣщаніе, данное въ хартіи, еще не приводилось въ исполненіе. Послабленіе, впрочемъ, широко допускалось для роялистскихъ журналовъ, не щадившихъ никого изъ противнаго лагеря. Поэтому взоры всѣхъ обращены были на открывшіяся палаты. Одни надѣялись сдѣлать ихъ формальностію, которую подчасъ можно будетъ обойти; другіе ожидали отъ нихъ защиты противъ выходящей изъ границъ реакціи. По предложенію Монтескью, рѣшено было держать себя правительству какъ можно осторожнѣе, въ особенности относительно нижней палаты, не допускать вмѣшательства ея въ дѣла, отклонять ея предложенія и, получивъ отъ нея утвержденіе бюджета и финансовыхъ распоряженій, распустить депутатовъ на отдыхъ. Но, какъ ни осторожны были съ виду отношенія палаты къ верховной власти, она помнила замѣшательства, бывшія послѣдствіемъ ея пассивнаго повиновенія во время имперіи, и тотчасъ же постаралась заставить правительство высказаться и разоблачить свои намѣренія. Это случилось по вопросу о печати. Палата единогласно рѣшила просить короля представить проектъ закона по сему предмету. Дѣло это было поручено королемъ тому же Монтескью, который и предложилъ освободить отъ цензуры книги (болѣе 30 печатныхъ листовъ) и подвергнуть ценсурѣ журналы и брошюры меньшаго объема, съ правомъ не пропускать ихъ до слѣдующаго собранія палатъ: тогда вопросъ подвергался новому обсужденію и снова произносилось рѣшеніе. Подобный законъ былъ стѣснителенъ особенно для періодическихъ изданій, разсчитывающихъ болѣе всего на животрепещущіе вопросы; но правительство въ своемъ проектѣ закона опиралось на статью хартіи, которая подчиняла Французовъ отвѣтственности предъ закономъ за злоупотребленія свободной печати.

Сначала поднялись споры о томъ, что правительство, говоря объ отвѣтственности, подразумѣвало предупрежденіе злоупотребленій, которое всякій законъ имѣетъ цѣлью. Это была уловка, потому что подобное толкованіе закона совершенно связываетъ чловѣка предупреждающимъ закономъ, ибо каждый поступокъ его можетъ имѣть цѣлью преступленіе. Потомъ перешли къ во-

просу: противорѣчить ли учрежденіе цензуры хартіи? Если бы правительство откровенно высказалось и объявило, что, въ настоящее время, въ виду поднявшихся страстей, оно желаетъ удержать за собою право стѣснить печать, то съ этимъ могли бы еще примириться; но утвержденіе, что цензура есть принадлежность хартіи, произвело неудовольствіе. Коммиссія, назначенная палатою для разсмотрѣнія этого вопроса, отвергла проектъ закона, предложенный правительствомъ, и поручила Ренуару сообщить объ этомъ палатѣ. Меньшинство ея требовало: уменьшить количество листовъ книги, освобождаемой отъ цензуры, до двадцати, объявить, что цензура для журналовъ и газетъ меньшаго формата будетъ существовать только до конца 1816 года и что отъ нея совершенно освобождаются мнѣнія членовъ обѣихъ палатъ. Въ день, назначенный для преній объ этомъ предметѣ, палаты переполнены были толпою любопытныхъ. Защитники правительства, имѣя въ виду ослабить направленный противъ нихъ ударъ, прикрылись мнѣніемъ меньшинства коммисіи. Палата отвергла толкованіе, основанное на словахъ обуздывать и предупреждать; она рѣшила, что въ хартіи говорится о свободѣ печати и не упоминается о ценсурѣ; но когда пришлось высказаться окончательно, то она приняла мнѣніе меньшинства коммисіи о временномъ законѣ. Уступка эта объясняется цѣлью поддержать правительство въ первомъ съ нимъ столкновеніи. Король согласился на измѣненіе; Монтескью передалъ это рѣшеніе палатамъ въ ловкой рѣчи, въ которой онъ скрылъ главное: существуетъ ли, по мнѣнію короля, цензура въ хартіи.

Коммисіи, которой предложено было разрѣшеніе вопроса о соблюденіи воскресенья, тоже не высказалась рѣшительно противъ правительства: она повернула вопросъ такимъ образомъ, что такъ какъ Французамъ дарована свобода совѣсти, но, въ то же время, католическая вѣра объявлена религіей государства, то ея обычаи, къ которымъ относится празднованіе воскресенья, должны уважаться прочими вѣроисповѣданіями, но что мнѣніе это не можетъ имѣть обязательнаго характера, пока вопросъ не будетъ рѣшенъ законодательнымъ порядкомъ.

Чтобы отклонить всякое недоразумѣніе насчетъ другой, не менѣе важной статьи хартіи, утверждавшей за новыми владѣльцами земли, конфискованныя у эмигрантовъ и пріобрѣтенныя отъ правительства во время революціи и имперіи, палата единодушно высказалась, что будетъ поддерживать эту статью, и перешла къ

рѣшенію финансовыхъ вопросовъ. Мы не станемъ входить въ подробный разборъ бюджета, представленнаго барономъ Луи; скажемъ только, что онъ опирался на признаніи всѣхъ долговъ и обязательствъ прежнихъ правительствъ и на удержаніи всѣхъ податей, несмотря ни на обѣщанія, данныя принцами при вступленіи ихъ во Францію объ отмѣнѣ косвенныхъ налоговъ, ни на негодованіе эмигрантовъ, не хотѣвшихъ и слышать про уплату долговъ кредиторамъ Бонапарте. Проектъ былъ принятъ значительнымъ большинствомъ, и противъ него можно было сказать только то, что расходы на военное и морское министерства могли бы быть усилены, а количество недовольныхъ могло бы быть значительно уменьшено, что, въ свою очередь, было бы выгодно для правительства. Но, съ одной стороны, экономія министра финансовъ, не увѣреннаго вполне въ средствахъ, которыми онъ будетъ въ состояніи располагать, а съ другой стороны безусловное желаніе короля возстановить дворянскую гвардію и расширить ея штаты увеличило расходы по двору и не дозволило уменьшить число недовольныхъ въ его арміи. За утвержденіемъ бюджета послѣдовало измѣненіе тарифа, который долженъ былъ занять мѣсто континентальной системы. Сырые продукты, хлопчатая бумага, красильныя вещества, лѣсъ и проч. объявлены были свободными отъ пошлины; на другіе предметы ввоза пошлина была значительно уменьшена; вывозъ произведеній земледѣльческихъ объявленъ свободнымъ.

Если положеніе, принятое палатою депутатовъ, несмотря на неудовольствіе людей либеральной партіи за то, что она не отвергла прямо закона о ценсурѣ, возмущало роялистовъ и доказало имъ невозможность обходить ее, то и поведеніе палаты перовъ, въ которой оставлено было двѣ трети сенаторовъ, проникнутыхъ идеями революціи и имперіи, было не таково, чтобы на нее можно было опереться роялистамъ. Такъ въ вопросѣ о ценсурѣ палата перовъ приняла законъ, отвергнувъ оговорку, что ценсура вытекаетъ изъ самой сущности статьи хартіи. Въ представленномъ ею, по обычаю имперіи, отчетѣ о положеніи Франціи, она ясно высказалась, что страна обязана безчисленными благодѣяніями принципамъ 1789 года, въ поддержаніи которыхъ новой династіей она видитъ единственное средство залечить раны, нанесенныя произволомъ императорскаго управленія и бѣдственными войнами.

Между тѣмъ, появились и внѣшніе, положительныя симптомы, доказывавшіе все яснѣе и яснѣе, что политика Бурбоновъ не способна на дѣло примиренія. Толпа, для которой внѣшнія формальности имѣютъ сильное значеніе и по которымъ она судить вообще о направленіи и намѣреніяхъ власти, съ каждымъ днемъ убѣждалась, что ее ведутъ къ пережитымъ ею добрымъ старымъ временамъ: 15 августа, день св. Наполеона, праздновавшійся съ особенною пышностію во времена имперіи, былъ обращенъ въ роялистскій праздникъ въ память какого-то домашняго благополучія въ жизни Людовика XIII. Въ торжественной процесіи шло по городу все королевское семейство, со свѣчами въ рукахъ, и народъ съ удивленіемъ и насмѣшкой глядѣлъ на забытое имъ зрѣлище; солдаты иллюминировали, между тѣмъ, свои казармы, а полиціи приказано было тушить огни. На первомъ обѣдѣ, данномъ королю городомъ, приказано было изъ городской ратуши вывести національную гвардію и замѣнить ее дворянами, подобно тому, какъ недавно старую императорскую гвардію вывели изъ Тюльери,—и это сдѣлано было снова безъ соблюденія всякаго приличія; а, между тѣмъ, сама національная гвардія и давала праздникъ. За обѣдомъ, отъ котораго были отстранены лица, принадлежавшія новому дворянству, префектъ города и муниципальныя власти прислуживали королю и принцамъ, а жены ихъ герцогинѣ Ангулемской. Разумѣется, и въ прежнія отдаленныя времена случалось видѣть, что принцы и даже короли прислуживали императорамъ; но, помимо демократическихъ предубѣжденій, казалось, что эти времена миновали. Роялистская пресса наполнила всѣ журналы описаніемъ великолѣпнаго праздника, въ которомъ присутствовавшіе увидѣли, что такое истинное величіе, въ сравненіи съ которымъ празднества революціи и имперіи могутъ вызвать только презрительную улыбку.

Извѣстія изъ провинцій еще яснѣе выражали стремленія роялистовъ. Многіе богатые дворяне, вернувшіеся въ свои имѣнія, потребовали, чтобы имъ отведены были особыя мѣста въ храмахъ, чтобы имъ кадили во время богослуженія, чтобы имъ первымъ раздавали священныя хлѣбъ, и проч. Все это было бы смѣшно теперь, но тогда подобныя явленія имѣли большое значеніе. Водворить хотя какой нибудь порядокъ въ странѣ было не подъ силу такому неспособному администратору, какимъ былъ Монтескью, министръ внутреннихъ дѣлъ. Старые префек-

ты, которыхъ оставили на мѣстахъ, не перемѣнивъ даже по департаментамъ, либо должны были измѣнить своимъ прежнимъ взглядамъ, либо выжидать и оставаться въ бездѣйствіи, и въ обоихъ случаяхъ терять свой кредитъ. Новые префекты, не стѣсняясь, возбуждали народъ слухами, что харгія есть мѣра только временная, что, съ утверженіемъ Бурбоновъ, будетъ восстановлена десятина, дворянству и духовенству будутъ возвращены ихъ имѣнія, и проч. Когда министръ полиціи, Бенъо, доносилъ о болѣе интересныхъ для насмѣшливаго короля фактахъ — говорить Тьеръ — то тотъ, вмѣстѣ съ нимъ, смѣялся и трюнилъ надъ тѣми, которыхъ называлъ друзьями своего брата. Для умиротворенія провинцій, рѣшено было послать путешествовать принцевъ королевскаго дома. Но зло отъ этого еще болѣе увеличилось, ибо путешествіе только воспалило страсти, а въ замѣнъ принцы не встрѣтили даже тѣхъ овацій и увлеченія, на которыя они рассчитывали.

Новыя распоряженія правительства, столько же неловкія, сколько бесполезныя, произвели непріязненные столкновения съ палатами. Военный министръ, въ видахъ сокращенія расходовъ, вздумалъ возвратить по домамъ огромное число инвалидовъ, находившихся на попеченіи правительства, и закрыть военныя богадѣльни въ Аррасѣ и Авиньонѣ въ то самое время, когда назначена была коммиссія для вспомошествованія солдатамъ Конде и пострадавшимъ вандейцамъ; то есть правительство отказывало въ средствахъ существованія людямъ, прославившимъ французское оружіе во время войнъ имперіи, но осыпало ласками, почестями и деньгами людей, поднимавшихъ оружіе противъ Франціи. Другимъ распоряженіемъ правительства закрывались школы, учрежденныя Наполеономъ для воспитанія дочерей, лицъ, заслужившихъ орденъ почетнаго легіона, и несчастныя дѣвицы, изъ которыхъ многія не имѣли уже родителей, возвращались къ родственникамъ съ самымъ скуднымъ содержаніемъ. Помѣщеніе одной изъ школъ было отдано принцамъ Конде. Тогда оскорбленные военные рѣшились обратиться къ маршаламъ, и Макдональдъ взялся представить ихъ жалобу въ нижнюю палату. Наконецъ распоряженіе военнаго же министра о соединеніи трехъ высшихъ военныхъ школъ въ одну—Сенъ-Сирскую — съ цѣлью дать имъ большее единство и предоставить ихъ преимущественно дѣтямъ дворянъ, на основаніи указа 1751,

возбудило всеобщее негодование. Безчисленные жалобы поступили въ обѣ палаты и заставили правительство отказаться отъ предположенныхъ мѣръ и представить объясненія, что указъ 1751 года приведенъ вовсе не съ тою цѣлью, чтобы закрыть высшія военныя школы для дѣтей не-дворянскаго происхожденія, что богадѣльни правительство намѣревалось закрыть позже, когда уменьшится число инвалидовъ; что же касается до дѣвичьихъ школъ, то эта мѣра не вѣднѣется, а предлагается тѣмъ, кто захочетъ оставить заведенія.

Вмѣсто того, чтобы видѣть, что настоящая причина волненій заключается въ распоряженіяхъ самаго правительства, полиція искала ихъ внѣ Франціи и приписывала ихъ проискамъ Наполеона и Мюрата, остававшагося, къ крайнему неудовольствію Бурбоновъ, на несполитанскомъ престолѣ. Страстный приверженецъ Наполеона, не раздѣлявшій мнѣнія о немъ своихъ соотечественниковъ, лордъ Оксфордъ проѣзжалъ въ это время черезъ Парижъ. Его сочли за агента Наполеона, остановили, арестовали его бумаги и между ними нашли письмо генерала Эксельмана къ Мюрату, въ которомъ тотъ предлагалъ ему свои услуги и просилъ мѣста въ его арміи. Письмо это привело въ негодованіе короля и принцевъ. На Эксельманѣ рѣшено было сорвать гнѣвъ противъ всѣхъ воображаемыхъ заговорщиковъ. Съ трудомъ убѣдили короля, что Мюратъ законный король, признанный всею Европою, что Франція не находится съ нимъ въ войнѣ, что французскому подданному законъ не воспрещаетъ предлагать свои услуги иностранному государю и что поведеніе генерала едва заслуживаетъ выговора, и то только потому, что ему не могли быть безъизвѣстны холодныя отношенія Франціи къ Италіи. Новая неловкость сдѣлана была относительно генерала Вандама, извѣстнаго своими революціонными убѣжденіями и только что возвратившагося изъ русскаго плѣна. Когда онъ явился во дворецъ, съ другими представлявшимися генералами, то его отказались принять, и это передано ему было молодыми людьми, не слыжавшими никогда ружейнаго выстрѣла, въ неприличныхъ выраженіяхъ и въ то время, когда возводили въ дворянское достоинство фамилію Жоржа Кадудала. Въ это же время распространилась извѣстная брошюра Карно, которую тотъ, впрочемъ, и не думалъ распространять, а хотѣлъ представить королю, чтобы оправдать себя и всѣхъ вотировавшихъ 21 января,

Онъ показалъ ее между прочимъ и Фуше, который, какъ и всегда, выдалъ товарища. Брошюра стала ходить по рукамъ, скоро ее напечатали и распространили въ громадномъ количествѣ экземпляровъ. Брошюра эта привела роялистовъ въ негодованіе, разразившееся угрозами противъ всѣхъ революціонеровъ, которые вслѣдствіе того еще тѣснѣе примкнули къ военнымъ и бонапартистамъ.

Наконецъ правительство серьезно подумало о вознагражденіи эмигрантовъ, которые не переставали кричать, что реставрація оказалась бесплодною для вѣрнѣйшихъ слугъ короля. Въ рукахъ правительства находилось еще довольно земель, полученныхъ конфискаціей и еще не проданныхъ: ими рѣшено было вознаградить значительнѣйшія фамиліи. Разумѣется, было бы болѣе справедливо распредѣлить вознагражденіе между бѣднѣйшими дворянами и мѣщанами, находившимися въ совершенной крайности и заслуживавшими большаго состраданія, нежели богатая фамилія, которая своимъ неблагоразумнымъ поведеніемъ раздражала только революцію и довела ее до крайностей. Это было бы благоразумнѣе, потому что подобнымъ вознагражденіемъ удовлетворялось огромное число недовольныхъ и отнималось у нихъ право беспокоить правительство. Но голосъ богатыхъ фамилій громче раздавался во дворцѣ, да и сочувствіе двора было сильнѣе къ старымъ заслуженнымъ фамиліямъ. Редакція проекта закона объ этомъ предметѣ была самая неудачная. Въ ней значилось, что король съ чувствомъ соболѣзнованія извиняется въ томъ, что обстоятельства не позволили ему ранѣе исполнить свой долгъ, и въ болѣе широкихъ размѣрахъ, но что современемъ онъ надѣется вполнѣ вознаградить людей, не отклонявшихся съ прямого пути для достиженія цѣли, между тѣмъ какъ другіе пришли къ ней путемъ отклоненій и революцій. Это значило, что не отклонялись отъ прямой дороги только 20,000 или 30,000 эмигрантовъ, а остальные отклонились: и тѣ, которые погибли, защищая Францію отъ демагоговъ, защищая самого Людовика XVI, и тѣ, которые легли сотнями тысячъ, защищая ее отъ внѣшнихъ враговъ; не отклонились отъ истиннаго пути только тѣ, которые 25 лѣтъ либо интриговали, либо желали призвать на нее иностранцевъ. Гражданская доблесть, значить, была только въ эмиграціи. Предложеніе о вознагражденіи было принято, по своей относительной

справедливости, но рѣшено протестовать противъ антинаціональныхъ доводовъ, вызвавшихъ его, и исключить слова, дѣлавшія законными подобныя же требованія на будущее время.

Наконецъ мало по малу перестали разыгрывать комедію съ маршалами. Вандама выслали изъ Парижа за ропотъ, Даву держали въ изгнаніи и не принимали его оправданій, возбудили негодованіе въ тщеславномъ Неѣ оскорбленіемъ его супруги въ Тюльери; за то носили на рукахъ Веллингтона, самаго непопулярнаго между Французами изъ генераловъ вражескаго стана столько же за его надменность, сколько и за недавній миръ съ Англичанами. Напрасно умѣренная либеральная пресса, *Journal des Débats*, Консидерантъ, Шатобрианъ старались примирить обѣ партіи, увѣренныя въ существованіи заговора одной противъ другой. По городу каждый день ходилъ какой либо новый слухъ о предстоящемъ возмущеніи республиканцевъ, бонапартистовъ или шуановъ. Само правительство нерѣдко давало излишнюю вѣру этимъ слухамъ, побуждаемое, готовой видѣть всюду заговоры, полиціей графа Артуа. Роялисты кричали противъ неспособности Беньо водворить въ городѣ порядокъ и противъ военнаго министра, распустившаго армію, вышедшую изъ всякаго повиновенія. Всеобщее волненіе по поводу будто бы созрѣвшаго заговора, который долженъ былъ вспыхнуть во время присутствія короля въ театрѣ Одеона, послужило поводомъ къ удаленію Дюпона и Беньо. Послѣдній получилъ морское министерство, а полиція ввѣрена была д'Андре, заслуженному роялисту, не прекращавшему сношеній съ эмиграціей до самаго возвращенія Бурбоновъ. Что касается до военнаго министерства, то оно было поручено Сульту, успѣвшему заявить полное раскаяніе въ службѣ Наполеону и выказать безпредѣльную преданность новой династіи, особенно торжественнымъ участіемъ въ подпискѣ на памятникъ въ Киберонѣ въ честь погибшихъ въ междоусобной войнѣ роялистовъ. Кажущееся спокойствіе дѣйствительно водворилось въ столицѣ, но не надолго и чтобы разразиться въ бурю, которая и смела снова династію, не умѣвшую ни любить, ни понимать страну, и для которой 25-лѣтнія бѣдствія нисколько не служили урокомъ и не научили опытности. Слова, сказанныя Наполеономъ предъ отправленіемъ на островъ Эльбу, вполне оправдывались: Бурбоны примирятъ Францію съ Европой, но зажгутъ въ ней междоусобную войну.

Между тѣмъ какъ недовольная, оскорбляемая роялистами Франція готова была броситься въ объятія новой революціи, перенесемъ въ Вѣну и посмотримъ, что въ этотъ періодъ времени успѣлъ сдѣлать конгрессъ, отъ котораго Европа ожидала прочнаго успокоенія.

П. БИБИКОВЪ.

(Окончаніе въ слѣдующемъ номерѣ.)